

Л.Д. Гудков

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ В.А. ЯДОВА

1. Я полностью согласен с В. Ядовым в том, что фреймы у Гофмана — не более чем концептуальная метафора, очень эвристическая и продуктивная. Ее методологический смысл заключается в направлении внимания исследователя на определенные обстоятельства социального поведения акторов, но не просто в привлечении внимания, а в уже довольно жестком структурировании этого поведения в определенных категориях и дальнейшей интерпретации этого взаимодействия как разыгрываемого по определенному сценарию, наличие которого предполагается и партнером, и интерпретатором, и любым соучастником взаимодействия — сторонним наблюдателем. Эти «априорные», по существу, посылки позволяют исследователю (как и самим участникам) оценивать характер исполнения с точки зрения «правильности», эффективности или «корректности» ролевой игры участников.

Эта презумпция «сценарности» — самая неясная часть концепции Гофмана, но именно ее неясность и придает ей ценность, порождая богатство возможностей ее понимания и самый широкий диапазон ее использования. Попытки превратить эту метафору в операциональное понятие, с четким объемом дескриптивных признаков и указаний, явно никому не удавались, но, как мне кажется, это и не очень нужно. Гофман здесь, конечно, очень продвинулся по части кодификации ресурсов пред-понимания мотивов, интенций и ценностных предпочтений действующих лиц и их партнеров и интерпретаторов (в сравнении с Томасом или даже — с Вебером, хотя в отношении последнего все не так просто). Но суть проблемы остается все той же — обеспечить концептуально контролируемую связь между *типологизирующим описанием* социального поведения и возможностями (на основе используемых процедур типизации — идеально-типического конструирования, «социально-ролевого» или «сценарного» или еще какого-то обобщения) *генерализации*

самих этих процедур типизации до степени универсальной «теории» предметного поведения или точнее — социального взаимодействия (в группах, в институтах, в обществах и проч.), с одной стороны, и проследить функциональные, причинные связи и детерминации объясняемого таким образом поведения (эмпирический анализ), с другой. Иначе говоря, соединить в практике исследования три вещи, разные по своей природе и источникам: а) наш интеллектуальный, культурный багаж — ресурсы, опыт, способности смысловой интерпретации действий другого; б) наш познавательный интерес (почему так, а не иначе, и что вообще стоит за тем, что мы наблюдаем в жизни); в) как мы объясняем то, что мы «наблюдаем», насколько это «адекватно» (и чему), в каких границах устанавливается эта адекватность эмпирических связей и т. п.

И вот тут-то и начинаются наши социальные драмы социологов. Именно социальные, мелкие претензии и разборки, кто главнее, амбиции и проч., как это было с критикой Парсонса гуманистическими социологами, этнометодологами, феноменологами и проч. (Сам И. Гофман никак в этом не виноват). Задача Парсонса состояла, как я понимаю, в том, чтобы выработать концептуально единый универсальный язык социологии (общую теорию), соединяющий все три плоскости исследовательской работы. Критики после него искали возможность минимизации «теоретического произвола» при интерпретации эмпирического материала, полагая, что есть такая точка зрения, которая позволяет обойтись без «априорности», без «концептуальной предвзятости», найти самоочевидные и не требующие специальной критической рефлексии ситуации повседневного знания (setting'и, «жизненный мир», «фреймы» и проч.). То есть — что возможно почти полное соединение актора и социолога, аналитика, интерпретатора (в «повседневности», в самоочевидности и прочих логических ловушках). Любая идея такого рода — жизненного мира, фрейма, сеттинга, бурдьевского габитуса, даже — «гарфинкелинга», скрывает в себе диалектическую ловушку — подмену мотивации актора теоретическими знаниями социолога, неконтролируемую проекцию на действующего своих мотивов и интересов, контрабандное приписывание действующему тех взглядов, мотивов, представлений, которые удобны социологу, и запрет на критическую оценку самой процедуры интерпретации (поскольку постулируется тождество способностей актора и социолога, общность и непосредственность «жизненного мира»).

2. Эту неадекватность гофмановских фреймов В. Ядов и почувствовал в ходе своих собственно социологических замеров. Речь не столько о неправильности или ошибочности гофмановских посылок, сколько об их не-универсальности, чего не хочет понять В. Вахштайн.

Я полностью согласен с замечаниями М. Черныша, говорящего, что теория фреймов Гофмана (последнего классика социологии!) — «надстройка» над структурным функционализмом. И действительно, его рефлексивные сценарии или фреймы и т. п. возможны только, если наблюдаемая ситуация взаимодействия рутинна и относительно статична, т. е. рефлексивная оценка перформанса акторов возможна лишь на фоне институционализированных практик взаимодействия. А это значит: есть не просто согласованные нормы взаимодействия (социальные правила), но и их устойчивые механизмы и процедуры социализации, санкции за хорошее или плохое исполнение/неисполнение (иначе откуда берется сама идея рефлексивности?), механизмы социального контроля за исполнением, социализацией, сохранением тех и других правил, фиксация их в памяти различных субъектов действия и репродукции (включая и отклонения от норм и штрафы и поощрения и проч.). Коротче говоря, культура (смысловые и символические ресурсы поведения и его оценки, рефлексивный инструментарий понимания и интерпретации действия) нам дан не непосредственно, а опосредованно, в виде институциональных структур разного рода, групповых конвенций, правил или практик (под «практиками» я бы точно так же понимал институционализированные взаимодействия, но только это не формальные и дифференцированные специализированные институты, а неформальные, обычные институты, вроде «обычного права», устойчивые привычки, рутина, или то, что раньше, в до-социологическую эпоху называли «нравами» (*morals, Sitten*)). Наши ресурсы понимания, объяснения, способности к наблюдению (способности выделять, видеть те или иные планы или схемы действия) — все это институционализированные ресурсы, а не нечто психологически данное, как утверждает Д. Норт и др. неoinституционалисты.

3. Но если это так, а я уверен, что это именно так, то мы должны различать гетерогенный характер самих институтов (или, если угодно, гетерогенность «фреймов» или «сеттингов»), определений ситуации по Томасу, гетерогенность и по происхождению, генезису, и по содержанию самих правил и предписаний поведения, а не их одномерность, а стало быть — и учитывать их разновременный, противоречивый или ситуативно-специфический характер, актуализируемый в ответ на разных партнеров или разные определения ситуации, их сложносоставный, многоуровневый, комплексный или агрегатный и т. п. характер. Это значит, что разные определения ситуации или даже — их компоненты, фреймы, габитусы и проч. могут иметь ситуативно различную интенсивность значимости и не обязательно должны соотноситься друг с другом.

Следовательно, в ситуации разлома институциональных систем или коллапса, краха хотя бы одной институциональной подсистемы — экономики, политического режима, управления и проч., идея или концепция «фреймов» перестает удовлетворять целому ряду условий исследовательской деятельности (рутинность «повседневности» взламывается и правила определения ситуации как целого или рефлексивной оценки перформанса не работают). Что, собственно, В. Ядов и фиксирует в своей статье.

Кроме того, я уверен, что концепция фреймов не может быть применена ко всем предметным сферам общественной жизни. Чем более специализированной является область институциональной деятельности (наука, право, искусство, технологии, предпринимательство, политика и т. п.), тем меньше места для гофмановского подхода и применения «фреймов». В этих областях решающую роль играют факторы инновации и, соответственно, механизмы признания авторитета тех, кто выдвигает новые образцы и определения «будущего» (механизмы формирования элиты, лидерства, проекции будущего, смыслопроизводства и т. п.). Не случайно Гофман брал для анализа очень локальные и рутинные сферы взаимодействия — «парти», «закрытые институты» (убежища, как их переводят — казармы, больницы, монастыри, т. е. такие заведения, где взаимодействие носит неспециализированный или ритуальный, церемониальный характер). М. Черныш, безусловно, прав, когда говорит о том, что и в структурном функционализме, и в концепции фреймов остается нерешаемой проблема «будущего» (не воспроизводство определений и норм действия, а производство будущего).

В наших условиях (медленно продолжающегося распада старых институтов и формирования новых) мы сталкиваемся с конфликтом фреймов и определения ситуации, их конкуренцией и аномией, вытекающей из их столкновений. По существу, и на это мы постоянно наталкиваемся в наших исследованиях, речь идет о сочетании разнопорядковых институтов (и фреймов): консервативных институтов господства и новых институтов в таких сферах, как экономика, технологии, коммуникации и проч., где идея фреймов плохо применима. На стыке же областей возникают характерные коллизии, решаемые с помощью нетрадиционных средств (о них в последнее время постоянно пишет мой коллега Б. Дубин): возникновение фигур, артикулирующих зоны «неопределенности» и предлагающих свои непривычные коды или стратегии поведения в этих зонах — код «насилия», провокации, скандала (типичный пример здесь — Жириновский в политике), или каналов, навязывающих неприемлемые для большинства формы поведения, играющие роль демаркации дозволенного для немногих и всех других (в СМИ, в блогах и т. п.).